

**История государства
и права
зарубежных стран:
избранные памятники
права**

Древность и Средневековье

Учебное пособие

Под научной редакцией
доктора юридических наук
Н. А. Крашенинниковой

НОРМА
ИНФРА-М
Москва, 2026

УДК 342(092)"0/13"(075.8)
ББК 67.3(0)я73
И90

znanium.com
электронно-библиотечная система

Коллектив авторов:

Крашенинникова Н. А., доктор юридических наук, профессор — гл. 1, 2, 9;
Зорилё Д. В., кандидат юридических наук, доцент — гл. 10;
Кофанов Л. Л., доктор юридических наук, профессор — гл. 5, 6;
Лысенко О. Л., кандидат юридических наук, доцент — гл. 8, 11, 12;
Нагих С. И., кандидат юридических наук, доцент — гл. 3, 7;
Триkoz Е. Н., кандидат юридических наук, доцент — гл. 4.

И90 История государства и права зарубежных стран: избранные памятники права. Древность и Средневековье : учебное пособие / под науч. ред. Н. А. Крашенинниковой. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-91768-558-8 (Норма)
ISBN 978-5-16-010435-5 (ИНФРА-М, print)
ISBN 978-5-16-102416-4 (ИНФРА-М, online)

Данное учебное пособие по курсу «История государства и права зарубежных стран» предназначено для углубленного изучения наиболее важных памятников права эпохи Древнего мира и Средних веков в странах Востока и Западной Европы.

Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов.

УДК 342(092)"0/13"(075.8)
ББК 67.3(0)я73

ISBN 978-5-91768-558-8 (Норма)
ISBN 978-5-16-010435-5 (ИНФРА-М, print)
ISBN 978-5-16-102416-4 (ИНФРА-М, online)

© Коллектив авторов, 2015

Оглавление

Предисловие	8
Раздел I	
Памятники права традиционного Востока	
Глава 1. Законы Хаммурапи (XVIII в. до н. э.)	15
Социальная структура и правовое положение основных групп населения	21
Правовое регулирование имущественных отношений	27
Правовое регулирование брачно-семейных и наследственных отношений	32
Преступления и наказания	37
Суд и процесс	42
Глава 2. Законы Ману (II в. до н. э. — II в. н. э.) и Артхашастра Каутильи (III в. до н. э.)	45
История создания и характерные черты Законов Ману и Артхашастры Каутильи	50
Социальная структура и правовое положение основных групп населения	57
Правовое регулирование имущественных отношений	65
Правовое регулирование брачно-семейных и наследственных отношений	71
Преступления и наказания	78
Суд и процесс	83
Глава 3. Уголовные установления Тан с разъяснениями (VII в.)	87
Источники права и общая характеристика Танского кодекса	88
Правовое положение основных групп населения	92
Преступления и наказания	96
Глава 4. Кодекс «Тайхо рицурё» (VIII в.)	102
Общая характеристика Свода законов рицурё	107
Социальная структура и правовое положение основных групп населения	112
Имущественные и брачно-семейные правоотношения	118
Особенности уголовного права и судопроизводства	127

Раздел II Памятники права Древнего Рима

Глава 5. Законы XII таблиц (V в. до н. э.)	133
История создания и общая характеристика Законов XII таблиц	134
Правовое положение основных групп населения	138
Правовое регулирование имущественных отношений	140
Брачно-семейное и наследственное право	144
Публичные и частные деликты и судебный процесс	145
Глава 6. Институции Гая (II в. н. э.)	150
Источники и система римского частного права в Институциях Гая	152
Правовое положение различных групп населения	155
Брачно-семейное и наследственное право	157
Вещное право	161
Обязательства из договоров и деликтов	164
Иски и судебный процесс	167

Раздел III Памятники права раннего Средневековья

Глава 7. Салическая правда (VI в.)	169
Общая характеристика Салической правды	172
Правовое положение основных групп населения	176
Правовое регулирование имущественных отношений	183
Правовое регулирование брачно-семейных отношений	188
Преступления и наказания	191
Суд и процесс	192
Глава 8. Эклога (VIII в.)	196
История создания и общая характеристика Эклоги	197
Правовое положение основных групп населения	202
Брачно-семейное право	205
Институты вещного и обязательственного права	211
Наследственное право	215
Преступления и наказания	217
Суд и процесс	221

собностей и большего благородства. При лжесвидетельстве, за которое кшатрий, вайшья или шудра штрафовались и изгонялись, брахман только изгонялся. Самый низкий штраф назначался за ложные показания из глупости, самый высокий — за ложные показания из жадности (ЗМ. VIII, 118, 120). Правдивостью свидетельских показаний свидетель очищался, «возрастала» посредством правды и его дхарма, а говорящему неправду грозила по «Закону кармы» беспомощность «в течение ста существований» (ЗМ. VIII, 82). При ложном ответе на прямо поставленный вопрос, заданный в судебном разбирательстве, грешнику грозил ад (ЗМ. VIII, 94). Но и это строгое дхармическое требование сопровождалось исключением, когда человек лжесвидетельствовал «из благочестивых побуждений» или «если вследствие правдивого показания могла быть [причинена] смерть шудре, вайшье, кшатрию или брахману» (ЗМ. VIII, 104). Полное искупление греха этой лжи требовало жертвоприношения богине Сарасвати (ЗМ. VIII, 105).

Глава 3. Уголовные установления Тан с разъяснениями (VII в.)

Законодательный свод средневекового Китая «Уголовные установления Тан с разъяснениями» (*Тан люй шу и*) был составлен в годы правления императорской династии Тан (618—907 гг.). Став образцом для составления уголовных уложений последующих императорских династий Китая вплоть до свержения монархии в 1911 г.¹, он оказал огромное влияние на развитие права в других восточноазиатских странах, находившихся в сфере китайского культурного влияния (Япония, Корея, Вьетнам, государство тангутов)².

Известный американский переводчик и комментатор этого памятника права В. Джонсон отмечает, что на протяжении 1300 лет Танский кодекс по своему значению и влиянию на право стран Восточной Азии сравним с Кодексом Юстиниана в Западной Европе³.

¹ См., в частности: *Bodde D., Morris C. Law in Imperial China*. Cambridge, 1967.

² В частности, о влиянии танского законодательства на составление кодексов в средневековых государствах Японии и Вьетнама см.: *Henderson D. F. Chinese Legal Studies in Early 18th Century Japan Scholars and Sources // The Journal of Asian Studies*. 1970. Vol. 30. Issue 1. P. 21—56; *Ta van Tai. Vietnam's Code of the Lê Dynasty (1428—1788) // The American Journal of Comparative Law*. 1982. Vol. 30. No. 3. P. 523—554. Также Танский кодекс был составным элементом рецепции китайского права в тангутском государстве. См.: *Кычанов Е. И. История тангутского государства*. СПб., 2008. С. 191.

³ См.: *Johnson W. The T'ang Code*. Vol. 1: General Principles. Princeton, New Jersey, 1979. P. 9, 13.

В Танском кодексе в полной мере нашли отражение специфические институты самобытной китайской нормативно-правовой культуры, основанной на синтезе древних традиционных нормативных представлений и более поздних доктринальных политико-правовых концепций конфуцианства и легизма, иных школ китайской политико-правовой мысли.

Источники права и общая характеристика Танского кодекса

Тан люй шу и является первым полностью дошедшим до нас памятником права средневекового Китая и представляет собой сборник предписаний (*люй*) — норм уголовно-правового характера.

Образцом для составления Танского кодекса послужил один из кодексов предыдущей династии Суй (581—618 гг.)¹. Предшественником Танского кодекса можно также считать Кодекс Северной династии Чжоу 564 г., базировавшийся на древних сводах эпохи династии Цзинь и царства Вэй 268 г.

Для кодификации законодательства основатель династии Тан — император Гаоцзу (618—627 гг.) уже в первый год своего правления создал специальную комиссию. Первый вариант текста был закончен в 624 г., а при следующем императоре *Тай-цзуне* изменен в 627 и 637 гг. В 653 г. он был увеличен за счет добавления к уголовно-правовым статьям люй пространных разъяснений *шу и*, подробно растолковывавших и уточнявших положения Кодекса, а иногда сопровождавших их идеологическими и культурологическими обоснованиями.

Однако тот вариант Танского кодекса, который дошел до нас и имеется сегодня в руках исследователей, восходит к более позднему времени — к 737 г.² Именно этот вариант сохранился в многочисленных списках позднейших династий, и мы не имеем сведений, что какие-либо существенные изменения вносились в последнюю редакцию Кодекса после 653 г.³

Кодекс имеет своеобразную исторически сложившуюся структуру: он состоит из 30 *цзюаней* (частей-свитков), подразделяемых на 502 ста-

¹ Свод законов, действовавший в годы правления Кан-хуан (589—600 гг.), был заменен более жестоким кодексом годов правления Да-е (605—617 гг.), непосредственно предшествовавшим началу правления династии Тан в 618 г.

² См.: *Head J. W. Codes, Cultures, Chaos, and Champions: Common Features of Legal Codifications Experiences in China, Europe, and North America // Duke Journal of Comparative & International Law. 2003. Vol. 13. No. 1. P. 1—93.*

³ Даже составленное в 960—963 гг. в период правления всекитайской династии Сун «Исправленное и пересмотренное собрание уголовных законов» почти целиком повторило Танский кодекс.

ть, которые сведены в 12 разделов¹. В настоящее время В. М. Рыбаковым завершено издание Танского кодекса на русском языке².

Первый раздел Кодекса «Наказания и нормы их применения» (цзюани 1—6, 57 статей) представляет собой своеобразную *общую часть*, содержащую общие принципы китайского традиционного права. Остальные разделы содержат *специальные нормы*, посвященные различным вопросам общественного регулирования.

Колоссальный объем текста Кодекса, сложность его языка, ограниченность и повторяемость лексических оборотов, специфика структуры, своеобразие логики изложения правового материала, многочисленные обращения к историческим примерам, указывающим на устойчивые ассоциации в глубинных пластах традиционной культуры, вызывают известные трудности в исследовании этого памятника. В связи с этим и в силу ограниченности объема настоящей работы мы рассмотрим лишь наиболее общие принципы китайского права, отраженные в Кодексе.

Рассматривая вопрос о месте этого Кодекса в системе китайского имперского законодательства, весь его массив можно разделить на три уровня³. *Первый уровень* представляет собой общие правила, собранные в фундаментальные кодексы каждой династии, которые формировали общий базис, или ядро, законодательной структуры. Под эту категорию подпадают *кодекс люй* (уголовно-правовая кодификация) и *кодекс лин* (административные кодексы), созданные во времена династии Тан. *Второй уровень* — императорские директивы, указы и эдикты. Обозначающий их термин изменялся в зависимости от времени, но в период правления династии Тан они именовались *чи*⁴. В зависимости от их содержания это могли быть законодательные акты, изданные на текущие события, другие были распоряжениями административного характера или же решениями, изданными в связи с судебным рассмотрением. Все эти императорские эдикты представляли собой текущее законодательство и по-разному влияли на его дальнейшее

¹ См.: *Нишда Нобору*. То рё сю и (Собрание сохранившихся общеобязательных установлений Тан). Токио, 1964.

² См.: Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюани 1—8 / введение, пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. СПб., 1999; Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюани 9—16 / пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. СПб., 2001; Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюани 17—25 / пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. СПб., 2005; Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюани 26—30 / пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. СПб., 2008.

³ См.: *Shiga Shuzo*. A Basic History of Tang Legislative Forms // *Asia Major*. Third Series. 1992. Vol. 5. No. 2. P. 97—110.

⁴ См.: *Кычанов Е. И.* Основы средневекового китайского права (VII—XIII вв.). М., 1988. С. 9.

развитие. И, наконец, *третий уровень* танского законодательства являлся результатом деятельности различных правительственных усилий с целью упорядочения этого массива указов и выделения среди них наиболее существенных норм и обязательных правил поведения, которые должны были служить руководством в деятельности различных ведомств и должностных лиц. Их компиляция составляла так называемые *вторичные кодексы*. Типичными примерами были *кодексы гэ* и *ши* во времена Танской династии. Отчасти их можно сравнить с современными подзаконными актами.

Три уровня китайского традиционного законодательства объединяют три формы права, которые можно расположить в порядке уменьшения их стабильности: 1) фундаментальные кодексы; 2) вторичные кодексы; 3) спорадические императорские эдикты. Первый уровень, к которому принадлежал и Тан люй шу и, представлял собой по своей природе наиболее устойчивую часть китайского законодательства.

С этой точки зрения кодексы люй и лин являлись фундаментальной частью законодательной системы эпохи Тан, они должны были установить неизменные и идеальные стандарты «для всего мира». В известной степени нормы Уголовных установлений Тан можно сравнить с нормами современного конституционного права, содержащими основные принципы права.

Представляя собой каркас законодательной системы императорского Китая, в содержательной части кодексы люй и лин различались, поскольку только кодекс люй содержал конкретные указания на наказание за то или иное преступление. Источником этого различия служили также особенности становления в Китае писаного права, заключавшиеся в почти тысячелетнем противоборстве двух основных политико-правовых школ — *конфуцианства* и *легизма*, ключевым вопросом которого являлся вопрос о применении наказания. Поэтому следует говорить о большом значении для составления кодексов, подобных Тан люй шу и, доктринальных источников.

В китайском обществе еще в древности сложился ряд своеобразных соционормативных принципов и институтов, впоследствии глубоко укоренившихся в традиционном сознании и наложивших отпечаток на всю правовую культуру Китая. Так, жизнь китайского общества регулировалась, с одной стороны, совокупностью традиционных морально-этических норм (*ли*), а с другой — системой наказаний (*син*). Причем считалось, что только элитарные слои китайского общества по своим моральным качествам автоматически следуют в своем поведении нормам ли и не подлежат наказанию со стороны государства. Тот же, кто не понимал морали (простолюдины и варвары),

нуждался в насильственном воздействии. Законодательное регулирование социальной жизни изначально виделось как некая вынужденная и вспомогательная мера. Согласно древнекитайской традиции права (в отличие от других стран традиционного Востока, античной и средневековой Европы) закон, лишенный религиозной санкции, первоначально применялся только варварами (некитайцами), не понимавшими норм морали. Лишь со временем, когда «нравы в Поднебесной стали портиться», законы пришлось принимать и в Китае.

Периоды китайской истории Чуньцю (VIII—V вв. до н. э.) и Чжаньго (V—III вв. до н. э.) известны бурным развитием китайской государственности, серьезными изменениями в социальной структуре и идеологии. Эти процессы нашли отражение в оформлении различных политико-правовых доктрин, разрабатывавших практические методы управления идеальным и гармоничным государством. Именно эти учения раннего *конфуцианства*, *легизма*, *даосизма*, *моизма* и др. в сочетании с древнейшей традицией заложили основы средневекового китайского права.

Основное внимание китайской политико-правовой мысли было направлено на достижения гармонии внутри общества, правильное распределение полномочий между правителем, аристократией и простым народом.

Наибольший вклад в развитие теории и практики государственного регулирования внесли раннее конфуцианство и легизм.

Согласно учению *Конфуция* (*Кун-цзы*) и его учеников в качестве главного инструмента в достижении социальной гармонии выступали нормы *ли*, моральные устои общества, закладываемые воспитанием и исполняемые в силу социального долга, как наиболее полно соответствующие человеческой природе. Гарантом неизменности моральных устоев *ли*, согласно Конфуцию, выступало Небо (*Тянь*) как верховная организующая и гармонизирующая сила мирового устройства.

Победу конфуцианства в противоборстве с другими доктринами обусловило заимствование им наиболее продуктивных положений и принципов иных учений, в первую очередь легизма (*фа-цзя*, букв. «школы закона»), представленного в реформаторской деятельности Шан Яна, императора Цинь Шихуанди (IV—III вв. до н. э.).

Теоретическую основу *легизма* составили представления о применении законов *фа* как наиболее действенного инструмента достижения практической пользы государства и правителя. Представители легизма стремились в короткие сроки улучшить мир, считая, что все население Среднего государства, включая претендующую на власть высшую аристократию, должно полностью зависеть от указаний правителя. Средством осуществления такой зависимости должны стать

законодательно вводимые награды и наказания. Поведение, соответствующее образцам, устанавливаемым государем (нормам фа), должно поощряться, а не соответствующее этим предписаниям — рассматриваться как уголовное преступление и наказываться.

Длительная борьба конфуцианства и легизма привела к оформлению кардинально нового учения — *классического конфуцианства*, вошедшего в себя отдельные положения как первого, так и второго течений политико-правовой мысли. Основной тезис ортодоксального конфуцианства, оформившийся в процессе так называемой конфуцианизации китайского законодательства, завершившейся к периоду правления династии Тан, состоял в утверждении того, что надежное управление государством возможно лишь при совместном использовании позитивных, предписанных нормами ли, и негативных, запрещаемых нормами фа, стереотипов поведения. Можно выявить наличие этого принципа ортодоксального конфуцианства, сочетающего нормы ли и фа, на примере многочисленных этически ориентированных положений Танского кодекса. Подобная ориентированность на этические нормы, источником которых являлась конфуцианская идеология, обусловила большое количество разъяснений, обоснований того или иного положения, исторических примеров, отсылок к памятникам древности, комментариев со ссылками на моральные устои. Этико-философская основа стоит за каждым серьезным предписанием Танского кодекса (например, разъяснения к ст. 6 «Десять зол»).

Правовое положение основных групп населения

Кодекс «Тан люй шу и» содержит богатый материал, на основе которого можно выявить некоторые черты социальной структуры средневекового Китая.

Основная демаркационная линия различий в правовом положении танского Китая проходила между категориями *лян-жэнь* («добрый люд») и *цзянь-жэнь* («подлый люд»)¹.

Лица, принадлежавшие к категории *лян*, обладали полными правами и были защищены национальным правом. *Цзянь* имели более низкий социально-правовой статус² и характеризовались отсутствием многих прав, принадлежавших *лян*. Так, они были исключены из системы экзаменов на соискание государственных должностей, которая

¹ См.: Рыбаков В. М. Понятие личности в танском праве // Народы Азии и Африки. 1984. № 5.

² Переводчик Танского кодекса относит лиц, принадлежавших к категории *цзянь*, к рабам.

достигла во времена династии Тан своего расцвета, и, соответственно, не могли стать чиновниками. Лицам, принадлежащим к цзянь, не разрешалось вступать в браки с лян, впрочем, были запрещены и бракосочетания между различными категориями цзянь. Так, ст. 191 Танского кодекса строго предписывает, чтобы супруги принадлежали к одной и той же категории (принцип равного статуса супругов). В случае нарушения этого принципа виновные должны были быть наказаны, а вступившие в подобные браки подлежали разлучению («возвращение к правильному состоянию»). Наказания также сильно различались в зависимости от статуса правонарушителя. Если полноправный лян ранит цзянь, наказание было легче, чем когда он причинит ущерб равному ему по статусу человеку, а если цзянь причинит ущерб полноправному лицу, то наказание было жестче, в отличие от случая, когда в конфликт вовлечены два лица категории лян¹.

Полноправные и неполноправные лица на основании дополнительных критериев также делились на социальные группы². Так, «подлый люд» подразделялся на зависимых от казны (например, ст. 28 «Лично зависимые гун, юэ и цаху») и зависимых от частных лиц. К последним можно отнести *нуби* и *буцую*. Так, нуби существовали в каждой династии Китая и по своему статусу были приближены к рабам. Их движимое и недвижимое имущество принадлежало их господину. Их сыновья тоже принадлежали господину, который ими распоряжался так же, как своей собственностью. Они не были свободны при заключении брака, их потомки сохраняли статус нуби. Но их жизнь и телесная неприкосновенность охранялись государством. Обычно нуби имели семью, свое владение и свое независимое хозяйство. Таким образом, нельзя сказать, что эта категория неполноправных лиц была полностью лишена правосубъектности. В этом плане их социальное положение отличалось от античных рабов, чье существование полностью зависело исключительно от хозяев. Нуби работали в полях и мастерских, участвовали в торговле, работали как прислуга, а женщины часто становились наложницами. Условия их существования были в принципе лучше, чем у европейских рабов, а их роль в общественном производстве была не так важна, как в Греции или Риме.

Буцую представляли собой другой вид неравноправных субъектов средневекового китайского права. Первоначально они использовались в качестве военных слуг своих хозяев. Их статус постепенно ухудшался и был ниже, чем у цзянь в законодательстве Северного Чжоу

¹ См.: *Ма Кэао*. Feudalism in China and India: A Comparative Study // China Report. 2002. Vol. 38 (2). P. 292.

² См.: *Кычанов Е. И.* Проблемы сословно-классового анализа общества Тан (VII—X вв.) // Социальные организации в Китае: сб. ст. М., 1981.

(557—581 гг.). В Танском кодексе нуби и буцью находились примерно в равном положении и не приравнивались к лян. В комментариях к Кодексу ясно указывается, что буцью были бездомны в юные годы и продавали себя своему будущему хозяину с целью пропитания. Хозяин же обращался с ними как с рабами. Они не имели собственного хозяйства, а в переписи регистрировались как лица, прикрепленные к домохозяйству своего хозяина. Хотя они по-прежнему имели право на обладание движимым имуществом (это было признано правом), их правовой статус приближался к статусу крепостного.

Кроме того, «подлый люд» различался и по функциональному признаку — по роду выполняемых работ (лица, занятые в сельском хозяйстве, ремесленном производстве, отправлении торжественных церемоний и ритуальных действий и др.)¹.

Однако наибольшее значение имело деление *цзянь-жэнь* по степени пораженности в правах. Так, Кодекс выделяет лиц, приравненных по своему правовому положению к домашнему скоту и другому имуществу. Вместе с тем известны и отдельные группы «подлого люда», правовое положение которых было приближено к статусу младших членов семьи. Например, ст. 47 «Лично зависимые гуаньху и буцью» предписывает в качестве общего правила наказание этим категориям населения наравне с лично свободными простолюдинами.

Большинство лично свободных составляли непривилегированные тяглые простолюдины (*байсин*). Как правило, наказания за проступки простолюдинов рассматривались Кодексом как стандарт, на основе которого исчислялись степень и вид наказания для других категорий населения.

Однако преобладающее количество статей Кодекса посвящено другой категории «доброго люда» — *чиновничеству*, чье поведение регламентировалось на основании учения Конфуция о «благородном человеке», занимающем привилегированное положение в танском обществе. Чиновничество подразделялось на две категории: чиновников основного штата и вспомогательного штата².

Правовое положение конкретного лица в средневековом Китае в значительной мере определялось в зависимости от занимаемой должности, почетных и наградных должностей, а также аристократических титулов. Каждой должности и титулу соответствовал определенный ранг, согласно которому и предоставлялись те или иные преимущества, носившие экономический (получение соответствующего своему

¹ См.: Рыбаков В. М. Прикрепление к социальной функции в танском законодательстве Древнего Китая // Культуры в диалоге: грани духовности: сб. ст. Вып. 2. Ч. 2. Екатеринбург, 1994.

² См.: Рыбаков В. М. Танская бюрократия. Ч. 1: Генезис и структура. СПб., 2009.

рангу жалования, земельного участка, освобождение от уплаты налогов и трудовых повинностей) и правовой характер.

К правовым преимуществам, кроме права на соискание должности определенного ранга, относилось предоставление родственникам и подчиненным «тени». Этот институт представлял собой общеобязательный способ передачи влиятельным лицом экономических и правовых привилегий другому лицу на основе родственной или функциональной близости¹. Интенсивность «тени» зависела от ранга тенедея и от степени его родственной или функциональной близости к пользователю «тени». С одной стороны, «тьень» предусматривала смягчение или освобождение от наказания в случае совершения преступления пользователем «тени» (возможность обсуждения, подачи прошения, уменьшения наказания и откупа). С другой стороны, «тьень допуска» (*чушэнь*) предоставляла преимущества родственникам должностного лица при соискании ими должности.

Следует обратить внимание на ряд правил, регламентирующих деятельность чиновничества, способы продвижения по служебной лестнице, с которыми неразрывно были связаны правовые привилегии. В связи с этим необходимо выделить систему ежегодных академических экзаменов на ученую степень². Существовал также институт проверки заслуг, представлявший собой ежегодную аттестацию управленческого персонала, проводимую непосредственным начальством и описываемую в традиционных формулировках четырех достоинств и двадцати семи совершенств, систему откупов чиновников от наказаний и практику автоматического повышения ранга после четырех лет пребывания в одной должности. Для чиновников высокого ранга продвижение по служебной лестнице требовало одобрения императора, что свидетельствовало о неоднородности самой чиновничьей бюрократии и делении ее на четко обозначенные слои³.

Институт служебных взысканий, противоположный автоматическому повышению чиновника по службе, предусматривал «ситуационный сброс», подразумевавший различные взыскания: разжалование, лишение занимаемой должности, прерывающие карьеру чиновника, запрещение заниматься служебной деятельностью на протяжении определенного времени, понижение ранга.

¹ См.: Рыбаков В. М. Правовые привилегии и понятие «тени» (по материалам Танского кодекса («Тан люй шу и»)) // Общество и государство в Китае: сб. ст. М., 1981. С. 58–74.

² Это был самый престижный путь получения должности.

³ См.: Рыбаков В. М. Уголовные законы династии Тан о дисциплине чиновничества // Восток (Oriens). 2009. № 1.

Для традиционного китайского общества правовой статус индивида определялся не только местом в социальной иерархии, но и выполнением им конкретной социальной функции. Благодаря выполнению в данный момент общественно значимой деятельности любой человек получал усиленную правовую защиту. Лица, выполняющие общую социальную функцию, образовывали социальную группу, обозначаемую термином «цвет» (сэ), часто переводимым как «статус». В зависимости от того, является ли функция постоянной или временной, смысловое содержание термина «сэ» могло варьироваться. Под категорией «сэ» можно понимать и сословие, и социальный слой, и группу лиц с конкретными правомочиями, и чиновничий ранг.

Согласно традиционным представлениям такие постоянные функции, как функция правителя и подданного, отца и сына, старшего и младшего братьев, мужа и жены, друзей, соответствовали пяти типам социальных связей (*у лунь*), выраженных в отношениях взаимного морального долженствования (между правителем и подданным), родства (между отцом и сыном), субординации (между старшим и младшим братьями), различия (между мужем и женой) и доверия (между друзьями), упорядочивали устои общества и особо охранялись традиционным китайским правом¹.

Преступления и наказания

Прежде чем приступить к анализу конкретных видов преступлений и наказаний, необходимо ознакомиться с общими принципами и подходами китайского права к нарушению социальных норм.

Употребление термина «преступление» в традиционном китайском праве имело свою специфику. Отношение к преступлению и наказанию в Китае эпохи Тан базировалось на традиционных представлениях, отчасти заложенных еще в древности. Согласно этим представлениям истоки преступлений коренились в желаниях людей, в их стремлении к богатству и знатности, причем главным носителем преступной воли считался простой народ, для которого и предназначались предписываемые правителем законы.

Преступление трактовалось как нарушение норм общественного поведения и утрата ли, причем его совершение нарушало не только социальный порядок, но и разрушало гармонию мироздания и всеобщий космический порядок. Поэтому считалось, что негативное воздействие преступного деяния на окружающую природу необходимо

¹ См.: *Попова И. Ф.* Категория «верность» (чжун) в политической мысли раннетанского Китая // Материалы научной конференции, посвященной 50-летию образования Китайской Народной Республики (27—28 октября 1999 г.). СПб., 1999. С. 58—61.

Раздел III

Памятники права раннего Средневековья

Глава 7. Салическая правда (VI в.)

Салическая правда (лат. *Lex Salica*) как правовой памятник, представляющий собой наиболее типичный образец древнегерманского варварского законодательства, была составлена в начале VI в. у салических франков, одной из ветвей германского племени франков¹.

Франки представляли собой молодое этнополитическое образование германцев, сформировавшееся из осколков других германских племен и народов под непосредственным влиянием Римской империи. На протяжении значительного времени франкские вожди и военные отряды привлекались римской администрацией для охраны пограничных территорий от вторжений других варваров и соплеменников и имели статус *федератов*, закрепленный в специальном договоре (*feodera*).

Уже с IV в. у франков сложилась традиция избирать своих военных вождей (*конунгов*), как правило, из одного влиятельного рода — Меровингов².

С середины V в. значительно ослабла власть центрального правительства Западной Римской империи, и территория Северной Галлии попала под контроль различных военачальников римской армии в основном варварского происхождения. В остром противоборстве за политическую гегемонию победу одержал один из них — франкский вождь-конунг Хлодвиг (ок. 466—511 гг.), объединивший под своей властью всю территорию Галлии и ставший основателем Франкского королевства (лат. *Regnum Francorum*).

Мы не знаем точных причин, которые побудили этого короля обратиться к записи обычного права германцев. Считается, что время, когда Хлодвиг мог издать этот кодекс, приходится на промежуток между 507 и 511 гг.³ Долгое время Салическая правда считалась са-

¹ Первые упоминания о франках встречаются в античных источниках примерно с середины III в.

² Первым историческим вождем салических франков был предположительно Хильдерик (ок. 457—481 гг.), сын легендарного салического вождя Меровея. См.: *Тьерри О.* Рассказы о временах Меровингов. СПб., 1864.

³ См.: *Pardessus J. M.* Loi Salique ou recueil contenant les anciennes rédactions de cette loi et le texte connu sous le nom de lex emendata. Avec des notes et des dissertations. P., 1843.

мой древней записью варварского права. И только относительно недавно с некоторой определенностью было установлено, что раньше нее были изданы Вестготский и Бургундский кодексы.

Возможно, главной причиной, побудившей франков записать свои законы, было романское влияние, передававшееся через непосредственный контакт с галло-римским населением Галлии и остатками римских государственных институтов.

Хотя франкский кодекс является наиболее варваризированным сводом обычного права германцев (если не считать англосаксонские «правды»), представляется наиболее вероятным, что Хлодвиг прибегал к помощи римских специалистов, обладавших некоторой юридической подготовкой. Сам судебник не может помочь в разрешении этого вопроса. Ни краткий, ни пространный прологи, которые, как считается, были составлены после самой кодификации, точно не отражают процесс организации работы по составлению документа.

В обоих прологах к Салической правде отмечается, что законы были составлены с согласия знатных людей после выбора четырех мужей из разных частей страны, встречи которых в трех собраниях с целью обсудить споры послужили основанием для сбора правовых обычаев¹. Но ни имена этих мужей, ни места, откуда они были призваны, невозможно идентифицировать, поэтому трудно сослаться на этот факт как достоверный.

В действительности составление Салической правды является инициативой новой королевской власти. Запись закона, возможно, сделали римские книжники под диктовку римских специалистов, а власть франкского короля дала Салической правде необходимую легитимность². В связи с этим необходимо отметить и тот факт, что в отличие от вестготов и бургундов Хлодвиг не делал попытку издать специальный судебник для галло-римского населения своего королевства, хотя галло-римляне составляли большинство жителей всей Северной Галлии, за исключением крайнего северо-востока этого региона.

Следует предположить, что Салическая правда носила характер *территориального кодекса*, предназначенного для всех жителей этого региона. Но франкское право не вытеснило полностью римского, поскольку существовало много сфер правового регулирования, не охваченных франкским правом вообще. Для галло-римлян римское право должно было оставаться в силе и в Северной Галлии.

¹ Краткий Пролог, как принято считать, был добавлен к кодексу в середине VI в., в то время как пространный Пролог был добавлен уже в Каролингский период.

² См.: Wallace-Hadrill J. M. The Long-Haired Kings. L., 1962. P. 2—9.

Салическая правда олицетворяет право северной части франкской Галлии, где была сконцентрирована основная часть франкского населения. В других частях Франкского королевства франкское право предписывалось только для салических франков как персональное право, и в результате оно исчезло за пределами Северной Франции. Но в северных областях франкское право было достаточно цепким. Будучи дополнено феодальными нормами, оно нашло отражение и во французском средневековом *кутюмном праве*, сохранив часть своего содержания даже после того, как средневековые французские короли стали поощрять изучение римского права. Это привело к определенному контрасту между правовой структурой Северной Франции, где удерживалось кутюмное право (фр. *pays du droit coutumier*), с Южной Францией как страной писаного права (фр. *pays du droit écrit*).

Природа государственного правления, установленного при Хлодвиге и его преемниках, является предметом дискуссии¹. Крайние точки зрения на данный вопрос разделяют исследователей на германистов и романистов и зависят от оценки вклада, который внесли древнегерманские или позднеримские институты и учреждения в становление франкских государственно-правовых форм. Наиболее общепринятый взгляд состоит в том, что Хлодвиг воспринял полномочия предыдущей римской администрации, что нашло отражение в его законодательной деятельности². Франкские раннегосударственные учреждения были значительно менее эффективны по сравнению с развитым позднеримским государственным аппаратом. Римские институты сохранялись и поддерживались на протяжении VI—VII столетий, хотя и с существенной трансформацией, вызванной взаимодействием двух цивилизационных традиций (*теория романо-германского синтеза*).

Истощение королевской собственности лишило королей средств политического влияния, что отчасти объясняет упадок Меровингской династии, когда на смену ей с середины VIII в. пришла новая династия франкских королей — Каролингов, которая ознаменовала второй этап в развитии Франкского государства³. Успехи Каролингов были вызваны непрерывными военными кампаниями, пополнившими

¹ В отечественной историографии историческую форму правления государства франков как в Меровингский, так и в последующий Каролингский период рассматривают как *раннефеодальную монархию*.

² См.: Wallace-Hadrill J. M. Op. cit. P. 1—8; Halphen L. Les Barbares, des grandes invasions aux conquêtes turques du XIe siècle. P., 1926. P. 51—57.

³ *Каролинги* (лат. *Carolingi*) правила не только в государстве франков, но также после его распада в Западно-Франкском и Восточно-Франкском королевствах, в Италии и некоторых мелких государствах в период с 751 по 987 г.

фонд королевских земель, которые правитель мог использовать в качестве награды для своей свиты и расширения своего влияния на знать.

В каролингский период франкской истории оживилась и законодательная деятельность королевской администрации. Это нашло отражение как в переписывании, редактировании и известной систематизации норм Салической правды, так и в развитии еще одной характерной формы франкского законодательства — *королевских капитуляриев*, дополняющих ее.

Салическая правда по сравнению с другими «правдами» является самым обширным сборником варварских законов, дошедшим до нас в многочисленных разновременных списках и редакциях, что позволяет историкам проследить эволюцию раннефеодального права на протяжении V—IX вв.

Наличие большого количества списков свидетельствует об огромном значении, которое придавалось этому памятнику права в ранне-средневековой Франкии¹, а вследствие франкской военной экспансии и во всей Западной Европе.

Содержание памятника права, с одной стороны, отражает еще родовые связи, мировоззренческие ценности древних германцев, а с другой — социальные процессы, происходившие на первых этапах развития ранних форм государства и права средневековой Западной Европы, заложивших политико-правовые и экономические основы будущей западноевропейской феодальной системы.

Общая характеристика Салической правды

Салическая правда не содержит системного изложения правовых норм, касающихся всех сторон жизни франкского общества. Изложение норм характеризуется здесь фрагментарностью и казуистичностью. Содержание норм посвящено установлению денежных штрафов для различных действий, причиняющих ущерб, и описанию правил судебной процедуры. Вопросы же частного права, такие как институт брака, наследование, договоры, которые играли большую роль в вестготском, бургундском и лангобардском праве, рассматриваются здесь очень кратко или не затрагиваются вовсе.

Положения Салической правды имеют форму конкретных юридических казусов, исключаящих абстрактные определения. Большинство из них посвящено охране движимого имущества и прежде всего

¹ *Francia* — обозначение Франкского государства в раннесредневековых источниках.

скота, благодаря чему Салическую правду часто называют «свиным кодексом», что также указывает на преимущественно аграрный характер традиционного франкского общества.

Первоначально составленный текст Салической правды (*протограф*) до нас не дошел. Сам правовой памятник представлен в многочисленных копиях — *списках*, которые существенно различаются не только по количеству представленных статей, но и по их формулировкам. Для удобства исследования эти списки по сходству происхождения, близости правового текста, а также их структуры и содержания принято делить на *редакции* (или *семьи*).

Древнейшие рукописи Салической правды состоят из 65 глав — *титолов*, где в латинском тексте содержится так называемая *мальбергская глосса*¹. Древнейшая из них — «Парижская рукопись 4404» («Paris 4404»)², которая относится к началу IX в. К группе значительно более поздних рукописей принадлежит единственный список Салической правды, находящийся в нашей стране, — это так называемая ленинградская рукопись «*Leninopolitanus*» в Российской национальной библиотеке Санкт-Петербурга³.

Салическая правда представляет собой как бы первоначальный пласт правовых норм франков. К правовым памятникам этой эпохи следует отнести также так называемые *хартии*. Этот важный новый инструмент для создания права появился уже в Меровингскую эпоху. Обученные люди записывали документы, служившие в качестве доказательств приобретения или подтверждения каких-либо прав. Такие хартии могли содержать положения различной значимости и представляли собой заверенный документ, скрепленный печатью или другими удостоверяющими средствами. Документы, похожие на хартии, но формально не аутентифицированные, а только перечисляющие свидетелей составления документа, которые могли удостоверить его подлинность, назывались *нотциями*, поскольку они часто содержали заметки (*ноты*), сделанные самими сторонами. Специальной формой хартии были *дипломы*, которые издавались властями от лица императора, римского папы или короля. Хартии в виде дипломов использовались часто франкскими королями для передачи прав или возложения обязанностей на учреждения, социальные и сословные

¹ *Мальбергская глосса* — дополнительные пояснения на германском наречии, указывающие на специфические юридические понятия варварского права.

² Под таким инвентарным номером этот список зарегистрирован в фондах Парижской библиотеки.

³ См.: Данилова Г. М. О списках и редакциях «Салической правды» и описание рукописи «*Leninopolitanus*» // Ученые записки Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1948. Т. 68.

группы или индивидуальных лиц, создавая своего рода публичное право.

При Каролингах основные принципы составления хартий были использованы для развития более широкой формы записи правовых норм, известной под названием *капитулярии*. Большинство капитуляриев утверждалось на ассамблеях и представляло собой скорее записи устных приказов, чем формальный текст. Не существовало и официальных сборников таких капитуляриев. Первое частное собрание таких капитуляриев в 827 г., приписываемое св. Ансегию и содержащее большое число капитуляриев светского и церковного права, быстро получило полуофициальный статус и стало впоследствии своего рода стандартом при составлении юридических текстов.

Развитие и разрастание материала хартий сделало необходимой его стандартизацию, а также стало причиной определенной рационализации в обучении персонала королевской администрации. Именно с этой целью создавались так называемые *формулярные книги* (сборники *формул*). Они напоминают современные сборники типовых юридических документов и инструкций. Наиболее ранними сборниками формул являются так называемые *Анжерские формулы* (*Formulae Andecavenses*), датируемые концом VI в. и представляющие собой самую полную и значительную коллекцию образцов различных юридических документов эпохи. Этот жанр франкской юридической литературы исчез с распадом Каролингской империи, но возродился с возвращением римской юридической науки в XII в.

Обзор документов о юридическом быте Франкии был бы неполным, если не упомянуть о дошедших до нашего времени в относительно небольшом количестве *судебных решениях* королевского суда Каролингов, известных как *плацита* (*placita*).

Наиболее полное русскоязычное издание текста Салической правды было осуществлено по списку рукописи «Paris 4404»¹. Кроме самого текста законов, в структуру списков Салической правды зачастую включаются *Меровингские капитулярии* (добавления франкских королей — наследников Хлодвига), а также позже написанные *прологи* (краткий и пространный) и *Эпilog* (в нескольких вариантах).

В *прологах*, как сказано выше, излагается легенда о создании Салической правды. Здесь же указывались цели записи «франкских законов», а именно «сохранение внутреннего мира» и закрепление власти над окружающими народами «авторитетом закона».

¹ См.: Салическая правда / пер. Н. П. Грацианского, под ред. В. Ф. Семенова. М., 1950.

В отличие от Пролога, имеющего вид полусказочного народного предания, различные версии Эпилога имели официальное происхождение. Они были составлены в королевской канцелярии и повествуют об отдельных этапах формирования всего документа путем добавления тех или иных титулов различными королями франков.

Считается, что Салическая правда как оригинальный историко-правовой документ не испытала значительного влияния норм римского права, проявившегося только в варваризированной средневековой латыни, на которой была составлена Правда, а также в исчислении штрафов в римских денежных единицах (*солидах* и *денариях*).

Другая особенность состояла в незначительном влиянии христианской религии на нормы Салической правды. Христианство, принятое Хлодвигом в целях укрепления своей власти, носило поверхностный характер и охватывало только ближайшее окружение короля¹. Определенные свидетельства христианизации франков могут быть выявлены в § 4 (приб. 3—7) титула LV Салической правды, где упоминаются штрафы за убийство христианских священников, а также в § 6 (приб. 6) титула XIV и самом Прологе, где говорится о погребениях в гробах (так хоронили только христиан). Характерно, что в титуле LXIV «О прислужнике при колдовстве» недоказанное обвинение в прислужничестве ведьмам влекло за собой лишь штраф в 63 солида, но уже в конце VI в. обвинение в колдовстве наказывалось исключительно смертной казнью.

Салическая правда свидетельствует и о значительном сохранении язычества в повседневной жизни франкского общества. Так, среди франков сохранялись обычаи жертвоприношения животных. Например, за кражу кабана, посвященного богам, налагался больший штраф, чем за кражу обычного. В § 1 (приб. 1) титула LV «Об ограблении трупов» предусматривался штраф за ограбление языческого могильного холма (*tumulum*), в который согласно традиции помещались ценные посмертные вложения.

Языческими представлениями германцев можно объяснить и обилие символических процедур и ритуалов, сопровождавших правовой быт франков на протяжении всей жизни. Так, титул XLVI «О передаче имущества» (*De acfatmire*) описывает процедуру бросания стебля (*fistuca*) в полú человека, призванного по устному завещанию хранить наследство. Впоследствии хранитель сам в присутствии короля или в судебном собрании бросал стебель в полú тех, кто был наследником, передавая им имущество. Передача стебля символизировала у древних

¹ Традиционно считается, что крещение Хлодвига состоялось в Реймсе на Рождество (25 декабря 496 г.) и его примеру последовали 3000 франков из его войска (его дружинники).

германцев отказ от обладания землей, от пользования производящей и питающей обожествляемой силой почвы. В § 12 капитулярия I, приписываемого сыновьям Хлодвига, этот ритуал символизировал и получение права представительства другого лица в суде.

Символический ритуал описывается и в титуле LX «О желающем отказаться от родства», согласно которому человек должен был в судебном собрании перед лицом *тунгина* сломать над головой три ветви и разбросать их в четыре стороны, заявляя тем самым об отказе от родства, соприсяжничества, наследства и всяких счетов со своими родителями.

Салическая правда сохранила свидетельства, отражающие постепенный процесс укрепления королевской власти. Уже первые ее статьи (§ 1—5 титула I) определяют ответственность тех лиц, которые уклонялись от королевского правосудия, и освобождают от штрафов тех, кто не явился в суд, находясь на королевской службе, что подчеркивает как высокий авторитет королевского правосудия, так и престижность королевской службы.

Правовое положение основных групп населения

Прежде чем рассмотреть вопрос о правовом положении как отдельных лиц, так и социальных групп у франков и других жителей Франкского государства, необходимо остановиться на специальных институтах германского права, находящихся как бы за пределами конкретных правовых положений Салической правды, так как они опираются на обычно-правовую традицию.

Одним из ключевых институтов раннесредневекового общества был институт *покровительства*, обозначаемый термином «*мунд*» и имеющий корни в обычном праве германцев. Данный термин имеет германское происхождение, и его можно перевести как «защита, покровительство, протекция». Латинизированная форма этого термина «*mundium*». Он вырос из семейно-родовых отношений, будучи впоследствии переосмыслен, перешел со временем и на прерогативы германского конунга, или вождя. Понятием «*мунд*» в праве германских народов во времена древности и Средневековья охватывались отношения по оказанию покровительства: королем своему народу, сильными слабым, отцом сыновьям, мужьями женам и проч. Имея языческие корни, этот институт включал одновременно и право, и обязанность¹.

Семейный мунд базировался на верховенстве предка семьи (родовой группы), под которой понимались все люди, связанные кровным родством. Свое выражение он проявлял в дисциплинарной власти

¹ См.: Genet J.-P., Balard M., Rouche M. Le Moyen Âge en Occident. P., 2003. P. 32, 42.

главы семьи над ее членами. Держатель мунда должен был следить за женским целомудрием и верностью, оберегая честь семьи от возможного ущерба. Хранитель мунда обладал возможностью запретить члену семьи те или иные действия. В этом аспекте он являлся принудительной силой или властью, но не понимался как римский институт отцовской власти, поскольку он также подразумевал ответственность за защиту семейного благополучия от всех опасностей и правонарушений.

У древних германцев этот принцип был распространен с семейных отношений на прочие общественные отношения, выражавшиеся в покровительстве короля или вождя всему племени или нескольким племенам. Именно следование *tundium* обусловило обязанность короля защитить своих подданных и церковь. Мунд проявлялся впоследствии и через кодекс рыцарства как христианская добродетель. В определенной степени патернализм, связанный со средневековыми европейскими монархиями, обязан больше институту покровительства, чем институту избрания германского короля¹. Именно институт покровительства в германском праве был направлен на обеспечение одного из ключевых элементов правового статуса личности или целых групп населения — личной или имущественной безопасности в силу распространенной среди варваров практики кровной мести².

Рассматривая вопрос безопасности на основе семейно-родственной группы, необходимо подчеркнуть важные цивилизационные различия в правовом регулировании ее обеспечения у франков, в римском праве и современном мире.

Германцы, в том числе франки, не проводили различия между уголовным преступлением и гражданско-правовым деликтом. Преступления, связанные с причинением увечья или нанесением оскорбления, рассматривались как основания для гражданских исков о возмещении ущерба. Частноправовые отношения были важны для германцев, но не менее важными были правонарушения, связанные с насилием. Достаточно вспомнить, что характерной чертой всех кодексов германцев, в том числе и Салической правды, были длинные списки различных увечий (отрезание мизинца, ступни, ноги, руки, уха, выбивание зуба или глаза). И каждый такой случай требовал соответствующей компенсации в виде присуждения и выплаты *композиции*.

Правоохранительные органы раннесредневекового варварского государства не были достаточно сильны, чтобы изменить такое положение дел. Если лицу или его родственникам был нанесен ущерб, то

¹ См.: *Molitor E.* Zur Entwicklung der Munt // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte.* 1944. S. 112—172.

² См.: *Мальцев Г. В.* Месть и возмездие в древнем праве.

поддержка родственников была важна, для того чтобы вызвать преступника в суд. Человек без семьи или рода находился в весьма сложном положении в начале истории средневекового общества. Только крепкая семья, отождествляемая с кланом или родом, могла предложить эффективную защиту.

Практика кровной мести была основной проблемой для мирного сосуществования раннесредневекового общества. Но вместе с тем существовали способы и механизмы обычного права, позволявшие избежать ее разрушительных последствий путем соответствующей компенсации пострадавшей стороне. Именно на это были направлены усилия королевской власти, выраженные в законодательном закреплении *выплаты композиции* (компенсирующего платежа).

В связи с этим следует обратить внимание на тот факт, что сама структура германской семьи отличалась от позднеримской, состоявшей из отца, матери, неженатых сыновей, незамужних дочерей и различных категорий юридически зависимых людей. Германская *билатеральная родовая группа* не имела фиксированного характера, а представляла собой определенный круг родственников, где счет родства шел как по отцовской, так и по материнской линии. Это приводило к тому, что правом на компенсацию ущерба пользовался достаточно широкий круг кровных родственников. Со всей четкостью невозможно определить круг родственников у различных германских народов, в том числе у франков, но человек родовой группы включал сюда не только всех прямых потомков, но и учитывал *коллатеральные связи* (двоюродных и троюродных братьев). Поэтому при осуществлении кровной мести речь шла о вовлечении в нее большого круга лиц.

Как уже было сказано, во франкском праве имелись средства, способные прекратить вражду. Каждый житель Франкского государства знал, кого он мог призвать для оказания поддержки в случае нарушения его мира, для предоставления доказательств в суде, поддержки в присяге (*соприсяжничестве*), помощи в выплате композиции.

Другим средством защиты собственной безопасности или прав на имущество стало нахождение под правовой защитой (мундом) лиц, превосходящих силой или влиянием, но не связанных кровными узами. Важность отношений «покровитель — зависимый» (как в его крестьянском варианте, так и в сеньориально-вассальном) на протяжении всего Средневековья коренится в германских первоначальных институтах.

Кроме институтов покровительства и кровной мести, которые придавали специфический правовой облик франкскому обществу, правовой статус личности был непосредственно связан с этническим и социальным происхождением.

Что касается правового положения отдельных социальных групп, то Салическая правда ничего не говорит нам о различных социальных классах среди франков. Она даже не выделяет лиц благородного происхождения, кроме ссылки на нобилей в Прологе, который был добавлен позже, в VI столетии. Еще одна туманная ссылка на «лучших людей» (*meliorts*) и «меньших людей» (*minofledis*) появляется в более поздних капитуляриях. Лица благородного происхождения упоминаются в установлении Хильперика (недатированном), где говорится, что он принял свой эдикт в согласии с высокородными лучшими людьми (*optimates*) и антрустионами (*antrustions*) (капитулярий IV).

Антрустионы являлись частью ближайшего окружения франкского короля и происходили в основном из франков, будучи связаны клятвой верности и присягой. Такого рода межличностные связи между королем и его окружением стали образцом для формирования лично-поземельных отношений *вассалитета-сюзеренитета*, лежащих в основе западноевропейского феодализма, хотя отношения между королем и антрустионами феодальными называть еще нельзя.

Нормы Салической правды подразумевают между тем, что некоторые люди обладают большим социальным весом, чем другие. Эти различия проявляются в величине *вергельда*, которым оценивалась жизнь франков и других жителей королевства.

Основной *вергельд за жизнь* свободного франка или женщины франкского происхождения составлял 200 солидов. Однако размер *вергельда* варьировался в зависимости от различных обстоятельств: возраста и пола, королевской службы, военной службы, места, где человек был убит. Для примера, жизнь мальчика до 12 лет (длинноволосого мальчика) оценивалась *вергельдом* в 600 солидов, в то время как обычный *вергельд* был 200 солидов (титул XXIV, § 1, 7; титул XLI, 1). Это указывает на то, что до тех пор, пока мальчик не мог защитить себя с помощью оружия, более высокий *вергельд* защищал его от насильственной смерти.

Вероятно, достижения 12 лет признавалось возрастом совершеннолетия. Если мальчика остригали без согласия его родственников, тем самым указывая на его совершеннолетие и таким образом обязывая к уплате штрафов за криминальные действия или наделяя его имущественной компетенцией, то закон предусматривал композицию в 45 солидов (титул XXIV, § 4, приб. 2).

Что касается женщин, то они в течение детородного возраста были защищены *вергельдом* в 600 солидов (титул XXIV, § 6; титул XLI, § 3). В то же время жизнь девочки или женщины после детородного возраста защищалась обычным *вергельдом* в 200 солидов (титул XXIV, § 7; титул XLI, § 17; титул LXVe, § 2—4). Убийство беременной жен-

щины влекло за собой вергельд в 700 солидов, 600 солидов за женщину и 100 солидов за ее плод (*fetus*) (титул XXIV, § 3, 4), хотя в другом месте эта сумма устанавливается в размере 600 солидов за женщину и 600 за мужской плод (титул LXVe).

Вергельд за убийство мужчины возрастает до 600 солидов, если он был убит в своем собственном доме (титул XLII, § 2) или во время несения воинской службы (титул LXIII, § 1). Убийство, отягощенное сокрытием преступления, в том числе путем сжигания трупа, требовало тройного платежа по сравнению с обычным вергельдом (капитулярий I, LXX). Трудно сказать, что в данном случае имело значение — тяжесть преступления или более тяжкое оскорбление родственников убитого.

Королевская служба также увеличивала вергельд. Графский вергельд (вергельд за жизнь чиновника) составлял 600 солидов (титул LIV, § 1), вергельд за королевского антрустиона (или слуги) также 600 (титул XLI, § 5), возрастая до 1800 солидов, если мужчина находился в походе (титул LXIII, § 2). Вергельд за сачебарона (королевского юридического подручного) был также 600 солидов (титул LIV, § 3). Но если он являлся королевским рабом, то вергельд уменьшался вдвое; аналогичное положение действовало и в отношении графа-раба (титул LIV, § 2).

Франкское право относилось не только к франкам, но и к другим жителям королевства, в частности к галло-римлянам Северной Франкии. Правовое положение римлян защищалось законом, но с характерным различием — их вергельд, как правило, был в два раза ниже, чем у лиц франкского происхождения.

Так, вергельд римского землевладельца (возможно, галло-римский эквивалент свободного франка) был 100 солидов (титул XLI, § 6); вергельд римского королевского сотрапезника (возможно, римского антрустиона)¹ был 300 солидов (титул XLI, § 5) (вместо 600 за франкского антрустиона); вергельд римского солдата был 100 солидов. Вообще сходство суммы вергельда римского солдата и землевладельца позволяет предположить, что и римляне-землевладельцы подлежали воинской службе в меровингское время.

Первоначальный текст Салической правды, составленной при Хлодвиге, ничего не говорит о правонарушениях против лиц духовного звания. Лишь в последующих капитуляриях назначается вергельд за епископа в 600 солидов, аналогичный вергельду за убийство графа,

¹ В латинском тексте содержится термин «*truste dominica*», который обозначал римлянина, удостоенного службы в отряде антрустионов. Русский перевод этого термина — «королевский сотрапезник».

антрустиона или сацебарона. Каролингские изменения более поздних списков Салической правды в дальнейшем устанавливали вергельд и за дьякона в размере 300 солидов.

В дополнение к свободным лицам нормы Салической правды упоминали другие категории лиц — вольноотпущенников, литов и рабов. Однако только в отношении рабов содержится достаточно информации для того, чтобы можно было дать более или менее подробное описание их правового статуса.

Хотя франкское право демонстрирует, что рабство было важным институтом франкского общества, тем не менее в нем нет полной ясности *правового положения рабов*. Рабы находились на нижних уровнях общества, считались людьми своего господина, который представлял их в суде и платил композицию, начисленную за правонарушение раба. Увечье рабу рассматривалось как причинение ущерба господину, и, таким образом, за последним признавалось право на любую компенсацию.

Композиция за раба составляла от 15 до 35 солидов (титул X, приб. 5). Королевские рабы, очевидно, ценились более высоко, чем рабы других лиц. Похищение или продажа рабов обычных людей влекли за собой композицию в размере 72 или 35 солидов (титул X, приб. 5), в то время как убийство раба или вольноотпущенника короля требовало уплаты композиции в 100 солидов (капитулярий V, CXVII). Королевские рабы могли достигать достаточно высокого служебного положения, так что цена за их жизнь могла повышаться до 300 солидов (в случае, если они находились на должности вице-графа или сацебарона) (титул LIV, § 2).

В дополнение к обычным источникам рабства (военный плен, покупка и рождение) франкское право указывает на то, что человек мог стать рабом вследствие невозможности уплаты композиции, вергельда или судебных штрафов (*фиртум*) (титул LVI). Свободный человек или женщина могли также добровольно перейти в рабское состояние (капитулярий VII, VI). Оно возникало в случае женитьбы на рабыне (титул XIII, § 9; титул XXV, § 5; капитулярий VII, III) или в случае выхода замуж за чужого раба (XXV, § 6). Если женщина выходила замуж за собственного раба, то ее имущество переходило в казну, сама она объявлялась вне закона, а раб подвергался пыткам (капитулярий II, LXLVIII). Хищение имущества из чужого запертого дома (капитулярий II, LXXXV) также низводило злоумышленника до состояния раба.

Рабство, обусловленное задолженностью или невозможностью уплаты штрафа, предусматривало *возвращение в состояние свободы*, если выплачивалась композиция или погашалась задолженность. Закон в

данном случае не говорит о рабстве как таковом. Но он предусматривает, что если человек переходит в состояние вне закона за неспособность заплатить долг или штраф, то это состояние может закончиться, в результате внесения окончательного платежа либо уплаты штрафа (титул LVI).

Институты нахождения вне закона и рабства имеют некоторые общие черты: в случае рабства положение было даже более предпочтительным, поскольку оно предполагало некое подобие безопасности в виде предоставления пропитания и крова, в то время как в состоянии бесправия находящийся вне закона человек этого лишался.

Раб мог быть освобожден своим хозяином, в частности, посредством особой процедуры — освобождения раба «*через денарий перед королем*» (титул XXVI, § 2), а также посредством *грамоты* (документа) (капитулярий VII, XI). Другие способы освобождения (путем завещания или в церкви) в законе не устанавливаются.

С одной стороны, раб являлся имуществом, чьей-то собственностью, а с другой — он обладал элементами правосубъектности, и суды учитывали этот факт. Так, если раб был убит или ему было причинено увечье, то суды назначали возмещение ущерба для его хозяина и правонарушитель (если он был свободным) должен был заплатить, а если преступление было совершено рабом, то платил хозяин раба-преступника (титул XXXV). Но как происходило доказательство вины раба? Если он подозревался в правонарушении, то он подвергался *ордалии* в виде жребия или пытки (титул XL, § 2, 4, 7). И если вина посредством этих испытаний была доказана, то господин платил композицию или вергельд, а раб наказывался поркой, кастрацией или смертью (титул XII; титул XXV, § 7; титул XL, § 1—5, 11).

Правовые нормы предусматривали возможность для раба смягчения меры наказания и способов получения доказательства (не столько потому, что раб заслуживал более милосердного обращения, а потому, что пытки или физическое наказание имели следствием имущественные потери для хозяина раба), в случае если господин был уверен в невиновности своего раба. Господин мог «*выкупить спину своего раба*», уплатив 3 солида за 120 ударов и 6 солидов в случае кастрации (титул XII). В более серьезном случае, при краже хозяин раба мог взять вину на себя, и в этом случае с него взималась композиция до 45 солидов (титул XL, § 9).

Одной из самых дискуссионных проблем франкской истории является происхождение и *правовой статус литов*. По всей видимости, это были категории зависимых лиц, находящихся в подчинении и под покровительством своего господина (титул XIII, § 7).

Анализ положений Салической правды свидетельствует, что в период образования германских варварских королевств произошли значительные изменения в межличностных отношениях по сравнению с позднеримскими порядками.

Правовое регулирование имущественных отношений

В древнегерманском праве отсутствует однозначное понятие *собственности*. К движимому имуществу, перешедшему уже в собственность отдельных лиц, применяется термин «*suus*» («свой»), в отличие от «*alienus*» («чужой»). Основным мерилем богатства считался скот, охране которого посвящена значительная часть статей Салической правды. Экономическая жизнь, как показывает этот правовой документ, отличалась исключительно аграрным характером, поэтому законы касались в основном сельскохозяйственных угодий. Для франкского законодательства характерно полное отсутствие каких-либо указаний на регламентацию городской жизни.

Следует обратить внимание на особое отношение франков к земле. В специальной литературе нет единой точки зрения на характер *земельной собственности* у франков. Сторонники одной точки зрения признавали у варваров наличие стройной системы общинных отношений, где коллективным субъектом права собственности на землю выступала община-*марка*, определяющая порядок землевладения и землепользования для своих членов. Но исторические источники у франков общины-марки. Трудно, однако, безоговорочно согласиться и со сторонниками противоположной точки зрения (Н.-Д. Фюстель де Куланж, А. Допш, Д. М. Петрушевский и др.), постулирующими существование у варваров частной собственности на землю.

Современные данные, подтверждающиеся положениями Салической правды, свидетельствуют о том, что основной формой поселения франков были небольшие *усадьбы*, относительно изолированные поселения хуторского типа.

Различают несколько видов организации сельских поселений у франков. В первую очередь можно выделить обособленный имущественный сельскохозяйственный комплекс свободнорожденного франка, основу которого составляло свободное владение на принципах *аллода*. Использование такого имущественного комплекса напоминает принцип ведения фермерского хозяйства свободнорожденным франком и его семьей вместе с его рабами и другими зависимыми от него людьми. Этот тип ведения хозяйства представляется основным видом держания земли, которое подразумевает Салическая правда.

Другим видом сельскохозяйственных поселений являлась *вилла* (*villa*), где земля держалась также на иных основаниях, нежели отношения частной собственности. Весьма расплывчатые ссылки закона дают основание предполагать, что этот тип поселения представляет собой село или сообщество, которое в средневековом французском праве обозначалось как коммуна. Например, статья о *мигрансах* (переселенцах) не позволяет вновь прибывшим поселиться в этом сообществе, если один из членов сообщества будет против (титул XLV, § 1—2). С другой стороны, если вновь прибывший прожил в селении в течение 12 месяцев и никто из старожилов не возразил, то он может и дальше оставаться там безопасно (титул XLV, § 3).

При интерпретации упомянутого титула XLV «О переселенцах» следует учитывать его специфику. В отечественной науке укоренилась точка зрения, что в этом титуле речь идет об особой охране франкской общины и общинной собственности, в том числе земель и окрестных угодий, используемых общиной. Эта трактовка аргументируется правом даже одного члена общины высказывать протест по поводу переселения на территорию общины чужаков, в результате чего переселенец должен был покинуть общину. Но такой протест являлся ничтожным, как указывалось в том же титуле Салической правды, если переселение осуществлялось на основании грамоты короля. Этот факт скорее подтверждает контрольные prerogatives короля при осуществлении им своего права «верховного собственника» на землю.

Титулы II и III дают сведения лишь о небольших стадах крупного рогатого скота и свиней, которые могли принадлежать небольшому поселению, а их владельцами могли быть представители трех-четырёх небольших дворов. Франки, селясь на территории Северной Галлии, не испытывали недостатка в свободных землях, что способствовало распространению не общинно-территориальных поселений, а основанных на семейном землевладении отдельных *домохозяйств* (*домовых общин*).

Домохозяйство (домовая община) у салических франков, состоящее из трех поколений сородичей, представляло собой сложный организм во главе с патриархом. Оно включало не только родственников, но и различные категории зависимых людей, литов и рабов, которые рассматривались как младшие члены семьи, и др. Члены домохозяйства были неразделимо связаны не только узами родства, но и общим владением землей и другим имуществом.

Структура франкского поселения включала усадьбу, поля и пашни небольшой площади, сады и луга как место выпаса скота. Границу поселения составлял лес как место охоты, за которым начинался дикий лес. Каждая часть поселения обладала своим правовым статусом.

Центральное место занимала собственно *усадьба*, являвшаяся наиболее окультуренной и освоенной частью владения свободного франка, ассоциировавшаяся в традиционном сознании с центром мироздания, противопоставленным внешнему миру хаоса. Усадьба в Салической правде часто также обозначается термином «вилла» (титул XIV, § 6), а для названия самого жилища франка чаще употребляется термин «*casa*». Она включала в себя дом, где проживали члены домоводной общины, различные хозяйственные постройки. Весь ансамбль усадьбы был окружен частоколом (титул XVI, § 5). Согласно данным Салической правды именно вилла являлась хозяйственным центром земельного владения, где франк проводил большую часть своего времени. Она была и местом совершения различного рода сделок, других юридических актов (вызов в суд и проч.). Неприкосновенность дома и усадьбы защищалась наибольшими штрафами, о чем свидетельствуют такие титулы, как XVI, § 5; XXVII, § 15, приб. 8; § 26, приб. 11; XXXIV, § 1, приб. 1; L, § 3; LII и др.

Особое значение при определении штрафа в случае кражи Салическая правда придавала месту ее совершения. За кражу в доме виновный уплачивал больший штраф, чем за кражу вне дома (титул XI, § 3—5). Проникновение в дом чужака без разрешения хозяина также наказывалось штрафом (титул XI, § 6). Существенно увеличивались штрафы в случае разбойного нападения на усадьбу и причинения ущерба имуществу и людям (титул XIV, § 6, приб. 1; титул XLII, § 5), поджога, в результате которого «потерпевший не будет иметь места, куда поместить спасенные от огня вещи» (титул XVI, § 1, приб. 1). Даже при выплате вергельда большую роль играло место совершения убийства: в случае убийства вне дома платился простой вергельд в 200 солидов, а за убийство в доме — 600 солидов. Невозможность выплаты влекла за собой смерть нарушителя.

Следует отметить, что Салическая правда не упоминает возможность отчуждения усадьбы (дарения, продажи), что свидетельствует о ее священном статусе, неразрывной связи с личностью свободного франка. Известна лишь одна форма передачи земли — наследование, причем в строгой очередности по мужской линии.

Неприкосновенность поля и пашни защищалась у франков так же строго, как и сама усадьба, что можно уяснить из анализа положений титулов IX, § 4; XXVII, § 15, 24, 25; XXXIV, § 2, 3. Штрафами карались все виды нанесения вреда чужому полю: сбор чужой жатвы, проезд по чужому взошедшему полю на телеге, потрава чужой нивы, даже простое пересечение границ чужого поля без разрешения хозяев.

В противоположность пашне и саду пересечение чужого луга, находящегося в пользовании отдельного домохозяйства, не влекло за со-

бой наказания. Луга воспринимались как данность природы, не требовавшей трудовых затрат. Нарушитель, скосивший чужой луг, должен был отдать результат своего труда без дополнительных штрафных взысканий (титул XXVII, § 10).

В представлениях древних германцев сама земля как элемент первоизданной природы не рассматривалась как самостоятельная ценность, считалась ничейным пространством, на которое все имели неограниченные права. Ценность земля приобретала в результате приложения к ней труда (пашня) и сохраняла ее, пока действительны были результаты вложенного труда, что само по себе исключало право частной собственности на землю. Правонарушением в чужом лесу Салическая правда считала только кражу или порчу заготовленного там материала, но не кражу деревьев, стоящих на корню (титул XXVII, § 16—19).

Характеризуя право земельной собственности во франкском обществе, следует обратить внимание на *институт аллода*, под которым понимается передаваемое по мужской линии земельное владение (в первую очередь пахотные земли)¹. Вопрос о происхождении этого института остается дискуссионным.

В традиционном германском обществе господствовали три основных способа приобретения имущества. Первый — путем вложения трудовых затрат. В случае земельного владения это могла быть отвоєванная у леса заимка с усадьбой и пашней. Другой способ был связан с завладением земли в результате завоевания. Традиционные обычаи войны гласили, что завоеванная территория распределялась военным вождем эпизодическим актом раздела захваченных угодий. Франкские короли, реализуя исключительные права раздела земли, оставляли в своем распоряжении земли императорского фиска, превращая их в источник доходов и земельных пожалований.

Низшей территориально-политической единицей расселения франков являлась *сотня*. Земля в ее владении находилась под контролем короля, который имел право селить на ней людей по своему усмотрению (титул XIV, § 4). Предположительно названные два способа приобретения имущества и вели к установлению франкского аллода. Отличительные черты этого вида владения (аллода) заключаются в ряде ограничений на отчуждение имущества. Если право по его использованию не ограничивалось, то его отчуждение в чужие руки, за пределы родовой группы или семьи, было невозможно. Франкское право в области наследования доказывает важность родовых групп. Наслед-

¹ Изначально термин «аллод» не употреблялся другими германскими народами в VI в. и имел распространение только на территории Галлии. Лишь впоследствии в результате франкской экспансии он стал использоваться и в других районах Франкского королевства.

ственные права родственников осуществлялись в связи с передачей аллодиального имущества на принципах семейной собственности. Это означало, что земля принадлежит семье, и скорее речь идет о том, что земля не могла быть отчуждена.

Положения § 5 титула LIX (De alodis) Салической правды указывают на исключение женщин из числа наследников аллода. Позднее на основании этой статьи во Франции женщины исключались и из числа претендентов при престолонаследии. Обычаи германцев по другим источникам свидетельствуют о равноправии женщин в получении наследства. Положение об устранении женщин от наследования аллода, скорее всего, было связано с усилением значения воинской службы во франкском государстве. Франкские короли, присваивая земли императорского фиска, распределяли и закрепляли их за франками, способными нести воинскую службу. Лишь через некоторое время германская традиция о праве наследования аллода женщинами путем его передачи была отчасти восстановлена эдиктом Хильперика (561–584 гг.). Этот документ традиционно сопровождает большинство списков Салической правды.

Но франкское право знало и другие правила передачи имущества по наследству. Они были связаны с третьим способом приобретения имущества, который предусматривал исключение членов семьи и родовых групп из наследственных прав. Таковым являлось имущество, полученное в результате дарения или пожертвования. Этим имуществом, подаренным королем, лицо вправе было распоряжаться самостоятельно и любым способом по своему выбору. Только в случае отсутствия завещания это имущество наследовалось регулярными наследниками¹.

Германское варварское право предполагало определенную свободу лица при *разделе наследуемого имущества* между прямыми наследниками, но правила наследования признавали претензии и различных рангов родственной группы на наследование семейной земли, если ближайшие наследники отсутствовали.

Следует отметить, что у франков имелись обычно-правовые средства для того, чтобы избежать претензий родственников на аллодиальное имущество. Речь идет о проведении символической процедуры *кренокруды* (*Hrenekruda*). Согласно титулу LX «О желающем отказаться от родства» разорвать родственные узы можно было только посредством этой особой символической процедуры, совершаемой в судебном заседании перед *тунгином* (судебным чиновником). «Отказ от родства» означал освобождение от обязанности уплаты вергельда, со-

¹ См.: Scott S. P. The Visigothic Code. Boston, 1910. P. 152.

присяжничества и иных обязанностей по отношению к своим сородичам, а также прав наследования.

Своеобразным институтом германского права, регулирующим имущественные отношения, являлся институт *аффатоми* (титул XLVI «О передаче имущества»), представлявший собой публичный акт передачи собственником в судебном собрании под председательством тунгина имущества доверенному лицу (не родственнику) с обязанностью поверенного через год передать указанное имущество наследнику. Это говорит о слабом развитии имущественных сделок, самого института наследования и вообще товарно-денежных отношений у франков. Об этом же свидетельствует и слабое освещение в Салической правде договорных отношений, которые в основном регулировались обычным правом. Исключение составляет только договор займа. Сведения о том, как защищались права кредитора и должника, можно почерпнуть из анализа титула LI «О займе». При этом необходимо отметить, что конфискация имущества должника с помощью графа без соблюдения должной «административной» или судебной процедуры влекла как для кредитора, так и для должностного лица (графа) штрафные санкции.

Правовое регулирование брачно-семейных отношений

Франкское право содержит относительно мало норм, посвященных институту *заключения брака*. Легальный способ состоял в заключении договора между взрослым мужчиной и взрослой женщиной (причем минимальный брачный возраст специально не оговаривался) с согласия родственников. Брачный союз не запрещал кровнородственные отношения между сторонами. Однако франкское право специально оговаривало запрет на женитьбу между дядей и племянницами и внучатыми племянницами (и косвенно между тетей и племянниками и внуками), а также женитьбу на бывшей жене брата или дяди (и косвенно женитьбу между бывшим мужем сестры или бывшим мужем и матерью сестры жены). Такой брак объявлялся недействительным (титул XIII, приб. 2).

Следует отметить, что в рамках христианской церкви перечень запрещенных браков несколько шире, чем было прописано в Салической правде. Но в практике светских судов, как и в обычной жизни, долгое время встречались браки, запрещенные церковью, в том числе была распространена *полигамия*. Только с ростом влияния христианства церковные правила кровного родства стали применяться и в судах франкских королевств, что нашло свое отражение и в королевском законодательстве. Так, эдикт Хильперика 594 г. предусматривал смерть для мужчин, которые женятся на матери отца жены (один из

немногочисленных примеров смертной казни в кодексе). Что касается случаев, которые *кровосмесительными* можно назвать условно (например, женитьба на жене брата, или сестре жены, или жене дяди), то уже меровингские капитулярии говорят о том, что они могли быть «исправлены» по требованию епископа. Если же при заключении брака стороны пренебрегали этими нормами, то они могли быть отлучены от церкви, а их имущество переходило к родственникам (капитулярий VI, I, 2).

Как и в случае других германских народов, отпрыск от франкской противозаконной семьи считался незаконнорожденным и не мог получить наследства (титул XIII, приб. 2), поскольку считалось, что не существует потомства от союзов, которые не признаются браком.

У франков помолвка предшествовала женитьбе, как и у других германцев. Обручение происходило, как представляется, в присутствии родственников сторон. Это символизировало то, что жених предоставлял невесте брачный выкуп, который становился частью приданого после свадьбы. Отец также наделял дочь имуществом (капитулярий I, LXVII). Брачный выкуп оставался во владении жены и после того, как ее муж умирал, до тех пор пока она не вступала в новый брак, в связи с чем возвращалась часть брачного выкупа. Если мужчина отказывался от соглашения помолвки, то он платил композицию в 62,5 солида (капитулярий I, LXVa). Интересно, что здесь не содержится положения о том случае, когда от помолвки откажется женщина.

Приданое замужней женщины состояло из подарков мужа и отца. Это имущество не могло отчуждаться мужем и обычно наследовалось детьми. Если муж умирал раньше жены, то все приданое, доставшееся от мужа, находилось в распоряжении вдовы до тех пор, пока она не выйдет замуж за другого. Если она желала вступить в повторный брак при имеющихся детях, то она должна была отдать один солид из каждого десятка солидов приданого ближайшим родственникам мужа¹, чтобы реализовать ее мунд (право легального представительства) новому мужу. Нормы закона не содержат ясных сведений, насколько строг был этот фамильный контроль и имели ли родители или родственники мужа право вето на повторный брак.

Во многих случаях *франкская женщина* представляется в правовом отношении вполне самостоятельной и правоспособной. Она имела возможность владеть имуществом и наследовать его (как и женщины других германских племен), и это имущество было отделено от имущества мужа. У франков жена могла сама управлять своим имуществом.

¹ Плата родственникам мужа за утрату покровительства над женой и ее имуществом называлась *аказий*.

По крайней мере, она могла получать композицию отдельно от ее мужа, что подразумевает независимый контроль над своим имуществом (титул LV, § 4). И как вдова женщина могла получить платеж за разрешение снохе (невестке) выйти повторно замуж, потому что она держала *мундиум* невестки после смерти своего сына (капитулярий III, С, 1).

Если же жена умирала раньше мужа, то ее приданое переходило к ее детям; оно не могло быть использовано в качестве приданого второй жены. Если дети были малолетними, отец управлял их имуществом до тех пор, пока они не станут взрослыми. Но он не мог продать или подарить это имущество (капитулярий III, С1, 1).

Если не было детей, то родственники умершей жены могли требовать две трети ее имущества при условии, что они предоставляли две кровати, две накрытые скамьи и два кресла для ее приданого (капитулярий С1, 2). Позже закон (капитулярий IV, СХ) предусмотрел, что если в браке не было детей и муж умер, то его вдова получала половину приданого, другая половина отходила родственникам мужа. Если жена умерла и у семьи не было детей, муж получал одну половину приданого, а родственники жены забирали другую половину.

Поскольку жена обладала такой сильной правовой защитой собственного имущества, то не удивительно, что вдове было гарантировано наследование не только имущества умершего мужа, но и также права пользования доходами от части имущества мужа. Соответственно, если женская линия имела подобные преимущества при наследовании, то это подразумевало и ее ответственность, заключающуюся в том, что жена и ее дети должны были призываться к помощи при выплате композиции и штрафов, накладываемых на родственников ее кровной семьи (титул LVIII, § 3). Это положение еще раз подчеркивает, что жена управляла собственным имуществом, поскольку она могла (или должна была) помогать членам своей родственной группы. В любом случае правовая связь по женской линии у франков представляется значительно более сильной, чем у других германских народов.

В самой Салической правде отсутствуют положения, касающиеся *института развода*. Но, учитывая сильные правовые позиции женщины во франкской семье, распад брака по взаимному согласию мог иметь силу. В поддержку этого утверждения можно привести свидетельства из «Церковной истории франков» Григория Турского, которые предполагают развод даже без согласия одного из супругов. В частности, речь идет о меровингской королеве Радегунде, дочери короля Тюрингии. После убийства мужем Хлотарем I ее брата она покинула своего мужа, несмотря на его возражения, и основала монастырь в Пуатье. Причем муж не смог воспрепятствовать ей в этом.

Вполне возможно, что раз она смогла основать монастырь, то источником средств на это мероприятие могло быть имущество из ее приданого. Данная история интересна и тем, что Хлотарь взял после этого вторую жену. Следует отметить, что в это время многоженство не было легально запрещено, хотя Салическая правда не содержит на этот счет никаких предписаний. Тем не менее у германцев было распространено многоженство, а отпрыски от так называемых подчиненных жен имели свою долю в наследстве.

Не все исследователи разделяют мнение о столь сильной правовой позиции франкских женщин, но следует отметить, что женщина в это время имела значительно больше прав, чем в эпоху развитого европейского Средневековья¹.

Преступления и наказания

Значительная часть франкского законодательства имеет дело с насильственными деяниями, с последствиями кражи и убийства. Понятие преступления можно применять лишь условно, поскольку в Салической правде не проводилось четкого различия между преступлением и деликтом.

Под *преступлением* у франков (да и вообще у «варваров») понимались обида или вред, причиняемый личности или имуществу другого человека, а также нарушение «королевского мира». Такая трактовка соответственно определяла и понятие наказания, рассматриваемого как возмещение (*композиция*) за нанесенную обиду или причиненный вред (например, уплата вергельда за убитого).

Композиция служила предотвращению кровной мести, была формой примирения и установления мира между враждующими группами родственников. Она, как правило, предназначалась только семье потерпевшего. Лишь в некоторых случаях, требовавших вмешательства королевской администрации, часть композиции передавалась графу. Распределение вергельда между родственниками убитого и королем проясняет титул LXII «О вергельде».

Салическая правда рассматривает и ряд правонарушений, которые можно охарактеризовать как преступления в современном смысле этого слова, влекущие за собой государственную кару в виде смертной казни и др. К ним относились в первую очередь должностные и воинские преступления, а также лжесвидетельство (титул XXX, § 6; титул LI, § 2; титул XLVIII).

У франков отсутствуют четкие представления об общих принципах или институтах так называемой Общей части уголовного права. Но из

¹ См.: *Womple S. Women in Frankish Society*. Philadelphia, 1981.

анализа ряда конкретных составов преступлений можно сделать вывод, что уже просматривались различия между умыслом и неосторожностью, оконченным преступлением и покушением на него. Были известны институт соучастия и обстоятельства, смягчающие и отягчающие преступление.

Для свободного человека, совершившего насильственные действия, наказание выступало почти всегда в виде различной композиции — денежного платежа в качестве компенсации за ущерб человеку или его семье. При серьезных правонарушениях композиция значительно повышалась. Так, вергельд за обычного свободного человека, как уже говорилось, мог возрасти до 1800 солидов при специальных обстоятельствах. Трудно определить, сколько франкских семей могли платить такие большие суммы композиции. Нередки были случаи, когда денежные возмещения не могли быть выплачены, и франкское право ясно указывает на такие обстоятельства.

Первоначальная версия кодекса, предположительно вышедшая при Хлодвиге, не налагает другого наказания на свободного человека кроме денежной компенсации (альтернативой являлось рабство или объявление вне закона). Но некоторые капитулярии, изданные сыновьями и внуками Хлодвига в VI в., указывают на то, что преступления иногда влекли за собой физическое воздействие на преступников. Так, капитулярий IV¹ упоминает обвиненного в преступлении, сбежавшего в лес с целью избежать ответственности и выплат компенсации. Потерпевшая сторона в этом случае предъявляла обвинение перед королем, который выводил преступника за пределы королевской защиты. Таким образом, любой человек, кто находил преступника, мог его беспрепятственно убить (капитулярий IV, CXV).

Наказание *смертной казнью* в капитулярии VI встречается трижды: за женитьбу на жене отца (I, 2), за изнасилование (II, 2) и за беспричинное и немотивированное убийство (II, 3).

В Салической правде четко прослеживается общая тенденция замены старых наказаний родового общества (кровомщение, самосуд и др.) различными штрафами и пресечение случаев самовольной расправы (титулы IX, XXVII и др.).

Суд и процесс

Салическая правда достаточно много говорит о судах и судебных процедурах. На важную роль суда в жизни франкского общества указывают многочисленные статьи памятника права, предусматривающие штрафы за неявку в суд ответчика или свидетеля без уважитель-

¹ Этот капитулярий носит название «Декрет короля Хильперика о сохранении мира».